

Я верю в основополагающую ценность многоязычия как удивительного мирового источника, дарящего нам разнообразие взглядов и открытий и тем помогающего достичь более глубокого понимания природы человеческого сознания и духа. В моем идеальном мире каждый человек по меньшей мере двуязычен.

David Crystal. English as a Global Language.

When faced with a small population which is seemingly on its way to extinction and which speaks a relatively unexplored language the linguist inevitably waxes sentimental.

Robert Austerlitz. Report on Sakhalin.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЗАДАЧИ КНИГИ И ЕЕ СОСТАВ

Первая и главная задача данной книги – собрать воедино разбросанный по разным (обычно малодоступным) изданиям социолингвистический *материал* по языкам коренных малочисленных народностей Сибири, Севера и Дальнего Востока, систематизировать его и показать хронологически. Этому посвящен первый раздел книги, который носит в каком-то смысле справочный характер: во-первых, им можно пользоваться как самостоятельным источником информации и, во-вторых, на собранные здесь данные опирается дальнейшее изложение.

Вторая задача – дать *интерпретацию* данных: анализ причин происходящих процессов, их характеристик и региональных особенностей (с опорой на современные социолингвистические теории языкового сдвига) на фоне экономических, социальных и политических изменений в жизни народов Севера за последние 50–70 лет.

Два раздела книги могут показаться не связанными друг с другом. Однако в действительности связь между ними самая непосредственная: второй раздел не мог бы существовать без первого, поскольку я не сумел бы его написать, не обладая необходимым объемом фактических данных. Первый раздел, в свою очередь, также не существовал бы без второго: я просто не стал бы его писать.

Несколько слов о праве автора этой книги на обобщения. По понятным причинам я не имею собственного полевого опыта работы на всей огромной территории от Белого моря до Берингова пролива и от Южного Урала до Сахалина. Это невозможно физически. И тем более я не могу похвастаться тем, что работал на Крайнем Севере на протяжении всего периода, который в основном охватывает эта книга – то есть с 1950 до 2000 года. Это также вряд ли по силам одному человеку. Мой опыт географически и исторически значительно скромнее.

Впервые я приехал на Север в 1974 году; "мой Север" начался с юго-восточной Чукотки, где я работал в поселках Новое Чаплино, Сиреники и Провидения, занимаясь "чистой лингвистикой" – сбором материала по синтаксису языка азиатских эскимосов, а позднее по лексике и более широким грамматическим темам двух языков эскимосско-алеутской семьи. Несколько позже, в 1982–1984 годах, мне довелось поработать среди алеутов на Командорских островах, где я занимался уже не только чисто лингвистическими, но и социолингвистическими вопросами. В 1987 году в составе группы ученых – лингвистов и этнографов – я провел два с половиной месяца в восточной Якутии у юкагиров, эвенков, якутов и чукчей, населяющих этот интересный регион, исследуя уже только социолингвистические проблемы. В 1993 году в составе международной экспедиции Transsiberian-Longines мне удалось побывать в центральной и восточной Якутии и объехать практически всю Чукотку, собирая материал по языковой ситуации в регионе, по проблематике этничности и национального самосознания малочисленных народов и по положению школьного преподавания. Наконец, в 1995, 1996 и 1998 годах два исследовательских проекта вновь привели меня на Чукотку, не только в знакомые, но и в новые места – например, в чукотский поселок Тавайваам и на среднее течение Анадыря. Тема моих занятий на этот раз была еще дальше от лингвистики ¹.

Таким образом, собственный полевой опыт, собственное, из первых рук, знание людей и ситуации у меня есть только для крайнего северо-востока: Чукотки, восточной Якутии и отчасти Камчатки, и только для периода с 1974 по 1998 год. Этого, конечно, недостаточно, чтобы делать широкие обобщения, тем более что мне хорошо известна опасность таких обобщений: исследователям, имеющим богатый полевой опыт, прекрасно знающим "свой" регион, свойственно переносить свои знания на "весь Север", что нередко приводит к плачевным результатам. Могу лишь уверить читателя, что я осознаю эту ловушку и сделаю все от меня зависящее, чтобы в нее не попасть.

¹ Не могу не процитировать в этой связи один пассаж из статьи Алана Тейлора, довольно точно описывающий то, что произошло с моими научными интересами: "Лингвисты, работающие с быстро тающими группами носителей языка, могут начать работу, имея в виду совершенно другие задачи и цели, однако им суждено вскоре увлечься лингвистическими и социолингвистическими явлениями, которые будут всплывать в процессе их работы" (Taylor 1989: 167). Именно это со мной и случилось.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга была бы невозможна без разнообразной помощи, которую автор в разные годы получал от разных людей. Прежде всего, мне хочется поблагодарить моих коллег по Институту языкознания Академии наук – А.С. Асиновского, А.Н. Бадаева, А.Х. Гирфанову, Е.В. Головки, Е.Ю. Груздеву, М.Д. Люблинскую, Е.С. Маслову, Е.В. Перехвальскую, которые вместе со мной участвовали в 1980-е годы в разработке методики социолингвистического обследования языков народов Севера и в самом этом обследовании. Постоянную деятельную поддержку я ощущал со стороны моего давнего друга, соавтора и критика И.И. Крупника, несмотря на то что мы с ним все время оказывались по разные стороны различных океанов. Слова особой признательности – Е.В. Головки, прочитавшему вторую часть этой книги с карандашом в руках и испещрившему поля ценными замечаниями и дополнениями, в том числе и библиографическими. Заслуживают отдельной благодарности мои коллеги по Центру лингвистической типологии Национального университета Австралии Bob Dixon, Sasha Aikhenvald, Hans-Joergen Sasse, Mauro Tosco, Timothy Curnow, Lys Ford и другие: мне представилась редкая возможность регулярно обсуждать с ними различные вопросы, волновавшие меня при работе над книгой. Много полезных и ценных замечаний высказали Е.С. Маслова и В.С. Храковский, читавшие первоначальные варианты отдельных частей этой книги. Особые чувства я питаю к Национальному университету Австралии, который приютил меня на три месяца и тем самым сделал эту книгу возможной. Наконец, не могу не отметить, что без гранта, предоставленного мне American Council of Learned Societies, подготовка к печати и публикация этой книги растянулась бы на неопределенный срок.

ВВЕДЕНИЕ

1

Практически все исследователи, пишущие о проблемах языкового сдвига, языковой смерти и подобных (независимо от региона, которым они занимаются), жалуются на отсутствие опубликованных полевых данных, на отсутствие надежных описаний реальных ситуаций, на то, что теоретизировать приходится на крайне ограниченном материале. Подобные высказывания можно найти и у Нэнси Дориан, и у Ханса-Юргена Зассе, и у других признанных специалистов. В особенности это верно для России, и прежде всего для районов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока. Именно поэтому первой задачей книги и является сведение воедино и публикация в удобной для пользования форме максимально полного материала по разнообразным и противоречивым языковым ситуациям того региона, которому книга посвящена.

Следует иметь в виду, что книга не ставит задачу учесть *все* материалы по языкам и языковым ситуациям у малочисленных народов Севера, Дальнего Востока и Сибири. Такая задача заведомо невыполнима, не в последнюю очередь из-за паралича книготорговой системы в начале-середине 1990-х годов: многие публикации, не только региональные, но и московские, были мне попросту недоступны. Однако я сделал все возможное, чтобы собрать максимальное количество данных и представить как можно более полную картину.

Материалы, на которые я опирался, весьма неоднородны по составу, неравноценны по надежности и полноте и различны по источнику. Для удобства пользования они расположены в хронологической последовательности.

Вначале идут материалы конца XIX века–1920-х годов, образующие своего рода фон, исходную точку отсчета (Алпатов 1997: 27) для исследования того хронологического периода, которому посвя-

щена эта книга. В то время ситуация с языками народов Севера была сравнительно благополучной, проблематика языкового сдвига и утраты языков для североведов не стояла на первом плане, и единичные сведения о языковой ситуации можно встретить лишь в качестве попутных замечаний и сносок к собственно лингвистическим и этнографическим описаниям. Тем не менее некоторой информацией для этого периода мы располагаем.

Затем в сборе материалов и развитии исследований по данной теме наступает большой перерыв: в 1930-е и 1940-е годы по общеизвестным причинам практически никакой работы в этом направлении не велось. Как справедливо пишет В.М. Алпатов, эти годы "...были очень неблагоприятны для развития социолингвистики. Если чисто лингвистические описания языков народов СССР публиковались в немалом количестве, и среди них многие отличались высоким качеством... то сколько-нибудь объективно писать об общественном функционировании языков в СССР было невозможно... Научные исследования заменялись общими декларациями о «расцвете языков под сталинским солнцем»" (Алпатов 1997: 89–90). Что касается переписей 1937 и 1939 годов, то их данные практически не публиковались, за исключением очень кратких официальных сводок.

Ситуация начала меняться к лучшему к концу 1950-х годов; в 1959 году была проведена перепись населения СССР, данные которой опубликованы и, видимо, достаточно надежны. К сожалению, о языкознании и тем более о социолингвистике в СССР в это время говорить трудно². В 1960-е годы, к счастью для нашей темы, значительную работу проделал В.А. Аврорин и его группа; на эти материалы я и буду в основном опираться. Некоторые данные для этого периода есть в переписи 1970 года. Для 1970-х годов снова почти все имеющиеся данные, за исключением отдельных статей, содержатся в переписи 1979 года. Раздел, посвященный материалам 1980-х годов, оказывается в книге самым объемным, поскольку здесь я располагаю результатами группы, работавшей в Институте языкознания АН в Ленинграде и специально изучавшей социолингвистическую ситуацию на Крайнем Севере (1982–1990). Наконец, в

² Сплошной просмотр журнала "Вопросы языкознания" за 1954–1959 годы производит тягостное впечатление. Ученые едва начинают приходить в себя после десятилетий марризма и страшного разгрома языкознания в начале 1950-х годов, затронувшего судьбы очень многих лингвистов и значительно "перекроившего" карту языковедческих центров страны.

1990-е годы появилось значительное число публикаций, большую часть которых я постарался учесть.

2

Несколько слов о терминологии.

В англоязычной литературе по языковому сдвигу используется ряд терминов, значения которых перекрещиваются до такой степени, что часто невозможно определить, где кончается одна область значений и начинается другая. В работах встречаются термины *language death*, *language murder*, *language suicide*, *linguicide*, *language cannibalism*, *language shift*, *language displacement*, *language loss*, *language attrition*, *language decay*, *language obsolescence*, *language deterioration* и т. д. и т. п. (см., например, статью Waas 1991, которая специально посвящена безуспешным попыткам "разгрести" эту терминологическую путаницу). В дополнение к этому более или менее общепринятому списку многие авторы, пишущие на эту тему, стремясь к терминологической точности, изобретают собственные термины, тем самым еще более запутывая дело.

Обилие терминов вызвано тем, что мы действительно имеем здесь дело с исключительно сложным явлением. В пределах рассматриваемого многомерного процесса можно выделить несколько различных осей, или шкал, или измерений, по которым этот процесс распадается на смежные и связанные между собой, но все-таки различные объекты изучения. Для примера приведу некоторые из возможных измерений³.

- *Причины vs следствия*: интересуют ли нас причины утраты языка или ее следствия?
- *Индивидуальное vs групповое*: рассматриваем ли мы утрату языка как явление индивидуальное или как явление групповое?
- *Структурное vs внешнее*: что для нас важнее – утрата фонологических, морфологических, синтаксических, лексических характеристик языка или утрата языка в целом (или отдельных его подсистем) как средства общения?
- *Первый язык vs второй язык*: говорим ли мы об утрате родного (материнского) или второго языка?

³ Для простоты и удобства я буду пока в этих вводных абзацах пользоваться термином "утрата языка" как родовым, как своего рода условным знаком для всего сложного комплекса явлений, хотя, строго говоря, использование единого термина не может быть признано оправданным.

Даже если ограничиться этими четырьмя противопоставлениями (их наверняка больше), то получается четырехмерная матрица, которая дает возможность получить 16 сочетаний признаков: исследователя могут интересовать *внешние причины* утраты *второго языка индивидом*, или *структурные следствия* утраты *первого языка группой*, или *внешние следствия* утраты *второго языка группой* и т. д.

Если же иметь в виду, что для некоторых их этих сочетаний релевантны и другие противопоставления, например:

- происходит ли утрата языка группой *между поколениями* или *внутри поколения*,
- происходит ли утрата языка с заменой его на язык другого *меньшинства* или на язык *большинства*,
- происходит ли утрата языка индивидом при переезде в другую *языковую среду* или по мере *старения*,
- происходит ли утрата языка группой через стадию *полуязычия* или через стадию *двуязычия*,
- происходит ли утрата языка во всех *сферах его употребления* или лишь в *некоторых*,
- происходит ли утрата отдельных *функций* языка, и если да, то *каких*

и т. д., то можно понять, почему в этой области (как и любой гуманитарной области, касающейся столь сложных и многомерных явлений, как поведение человеческих сообществ) разные исследователи никогда не придут к единому мнению и пересечения элементов понятийной системы и терминологии останутся неизбежными.

Пользуясь описанной выше упрощенной схемой, постараюсь сформулировать, какая из многочисленных граней утраты языка составляет предмет данной книги; единственный путь, который я здесь вижу, это двигаться методом исключения.

Прежде всего, меня *не будет интересовать* утрата языка индивидом, а следовательно, подход, который я буду здесь использовать, лежит не в области психо- или нейролингвистики, языковой патологии, афазии или старения. Мой объект – группа, языковой коллектив

или языковая общность⁴, и, значит, мой подход – социолингвистический.

Далее, здесь исследуется по преимуществу *внешний аспект* утраты языка, а не структурный: в книге почти нет информации о собственно языковых изменениях – фонологических, грамматических или лексических, которые возникают в языке в связи с процессом его утраты и на разных стадиях этого процесса. Отчасти такое ограничение вызвано нецелесообразностью объединения под одной обложкой сведений структурного характера о 26 языках (такая книга была бы неизбежно обзорной и поверхностной), отчасти – просто отсутствием опубликованных данных на эту тему.

В книге идет речь об утрате *первого* (родного, материнского и т. п.) языка, который я буду здесь именовать *титულным* – то есть таким, название которого омонимично названию народа или этимологически связано с ним.

Наконец, меня интересуют социальные *причины, механизмы и следствия* утраты группой титулного языка или его отдельных функций и сфер употребления.

Для обозначения предмета исследования – *социальные причины, механизмы и следствия утраты языковой общностью титулного языка* – я буду последовательно использовать термин **языковой сдвиг**.

Кроме перечисленных выше терминов (языковая общность, языковой сдвиг, титулный язык), есть еще как минимум два термина, которые приняты и широко используются в западной социолингвистике, но их перевод на русский язык вызывает затруднения. Первый термин – *domain*, введенный, если не ошибаюсь, Джошуа Фишманом и обозначающий широко понимаемый контекст речевой деятельности человека – "институционализированный контекст", в котором один язык (один языковой вариант) предпочтительнее, более "соответствует обстановке", чем другой. *Domain* – это пучок признаков, таких,

⁴ Еще Блумфилд отмечал, что точно определить, какие именно люди входят в языковую общность, трудно или вообще невозможно, поскольку если языковая общность – это группа людей, пользующаяся одним набором языков, то есть говорящая одинаково, то исследователь немедленно упирается в проблему: нет двух людей, которые говорили бы одинаково, и более того, один и тот же человек в разные периоды жизни также не говорит одинаково (Bloomfield 1935: 45). Ср. описание проблемы языковой общности и определения, кто же, собственно, в нее входит, в статье (Watson 1989: 41).

как место, тема и участники. Типичный domain – семья. Если индивид говорит дома с другими членами семьи на бытовые темы – это семейный domain. См. убедительное экспериментальное доказательство психологической реальности domains как сочетания признаков собеседника, места и темы разговора в сознании говорящего в статье (Greenfield 1970).

В русскоязычной литературе было несколько вариантов перевода этого термина. Буквальное значение domain – "область, сфера пространства, подвластная территория". Обычно *language domains* переводят как "сферы использования" языка; В.А. Аврорин предпочитал пользоваться термином "сре́ды использования" языка. Ни тот ни другой вариант не передают в полной мере значения английского термина; чтобы не увеличивать еще больше и без того необозримую социолингвистическую терминологию, я буду в этой книге последовательно пользоваться термином *domain* в латинском написании.

Второе понятие еще более сложно для перевода. Это – понятие *identity*. *Social identity* по-русски обычно неудачно переводится как *идентичность*, или *самосознание*, или *самоотождествление*, или иногда даже *идентитет* и т. п. *Identity* – это то, кем человек себя осознает, с кем он себя отождествляет и от кого отделяет в социальном, культурном, экономическом, гендерном, возрастном, классовом, локальном, профессиональном плане. С другой стороны, *identity* – это то, как интерпретируют человека окружающие по всем перечисленным признакам. Можно, следовательно, говорить о социальной, возрастной, этнической или национальной, профессиональной, культурной и т. п. *identity*. В этой книге будет использоваться английский термин *identity*.

3

Специальных оговорок требует и территория, обычно называемая "Крайний Север". Это географическое понятие используется по традиции, а значит, нестрого; так, южная граница "Севера" не определена. Не определена и западная граница "Северо-Востока России". Обычно сюда включаются следующие регионы (с северо-востока на юго-запад): Чукотский округ, Камчатская область (включая Корякский округ), остров Сахалин, Магаданская область, Приморье, Хабаровский край, Якутия, Эвенкийский округ, Таймырский округ, Томская область, Ямало-Ненецкий округ, Ханты-Мансийский округ и Ненецкий округ. Части этой огромной территории иногда выделяют